

АКСИОЛОГИЯ

Пётр СИМУШ

Доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора философии культуры.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: simush@inbox.ru

РУССОЛОГИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО: ЧЕГО ОН ДОБИВАЕТСЯ СВОЕЙ ИСКРЕННОСТЬЮ?

Новизна замысла статьи состоит в попытке включить толстовиану в проходящую религиозную войну в мире, глобальную борьбу правды с обманом. Сражение Запада с Востоком проясняет то, что «истинно существует» и «как человек проявляет Бога». Автор размышляет о законах жизни и сосуществования людей.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, толстовская руссология, отечественная ключимость, Бог, любовь, русская изоморфность, потрясающая искренность, двойственность священности, духовное благо, безумие жизни

Лев Толстой очень любил Бога, существующего истинно. Напомнив детям об этом, он расстался с дыханием.

«Я очень люблю истину»

Эти предсмертные слова Л.Н. Толстой послал сыну Сергею. Тогда 7 ноября 1910 г. произошло событие, имевшее бурный общественно-политический отклик. Уход из жизни великого правдолюбца имел огромный исторический резонанс глобального масштаба.

Человечество интуитивно чувствует в русскости нечто священное. Французский лингвист Эмиль А. Бенвенист рассмотрел «священное» как то, что надо делать, и то, чего не надо делать [2].

Лев Толстой превосходно подтвердил эту трактовку, раскрывая положительное содержание жизни, «освящённое присутствием божества» (Э. Бенвенист).

Вступлением в толстовиану служит публицистическое произведение: «О жизни» [20]. Определение жизни Толстой видел в религиозных учениях. Он создаёт шедевр мудрости, посвящённый бытию [22]. На «Пути жизни» возникает вопрошание: «В чём моя вера?» и «Что есть истинная жизнь, открываемая христианством?».

В книге «Мысли о Боге» (1894 г.) мы читаем:

«Люди знают двух богов: одного, которого они хотят заставить служить себе, молитвами требуя от Него исполнения своих желаний, и – другого Бога, такого, которому мы должны служить, во исполнение воли которого должны быть направлены все наши желания» [19, с. 34].

«Бог делает своё дело через нас... Вложив в человека разумную любовь, Он уже всё сделал» [19, с. 34].

«Бог есть любовь, т.е. Бога мы знаем только в виде любви» [19, с. 38].

«Главная мысль моя в том, что любовь вызывает любовь в других» [19, с. 39].

«Желание блага не есть Бог, а только одно из проявлений Его, – одна из сторон, с которых мы видим Бога. Бог во мне проявляется желанием блага» [19, с. 40].

В толстовской работе «Религия и нравственность» (1894 г.) определена сущность религии. Она состоит только в ответе на вопрос: зачем я живу и каково моё отношение к окружающему меня бесконечному миру? «Всякое религиозное учение есть выражение основателем религии того отношения, в котором он признаёт себя как человека» [22, с. 8].

Мы действуем во всемирном информационно-энергетическом космосе (ИЭК). В его центре находится думающий нравственный человек. Он способен думать о совокупности законов бытия, которую В.О. Ключевский называл Богом.

Философы считают, что в центре мира находится познающий и действующий субъект. Ему представляется мир в виде взаимосвязанных противоположностей: свобода – необходимость, добро – зло, господство – подчинение.

Всей своей жизнью (82 года) Л.Н. Толстой дал человечеству не только поучительное и захватывающее творение в художественной литературе. Он представил также богословские и научные трактаты. Льву Толстому удалось разработать очень любимую им Истину единения с Богом. Она живёт с толстовским образом жизни.

Подобно Иисусу Христу, Который есть «истина, путь и жизнь», Лев Толстой разработал свою истину, названную им «новой религией».

«Что я такое»

Ответ: изоморфность Льва Толстого. Это – изумительное явление в драме отечественной истории. В ней, по мысли В.О. Ключевского, два начала: «тягловый строй» и «боевой строй». Крестьяне своим трудом «тяглом» поддерживали военно-служилое сословие, а земледельцам надлежало по приказу государя выступать в поход «конно, людно и оружно». В XVII в. уже все служили лично или отправляли повинности хлебом. В течение веков Россия успешно выдержала трёхстороннюю борьбу с врагами – на западе, юге и востоке.

Диалектическим образом сложилось у Толстого отношение к государству. Оно является феноменом исключительной сложности и своеобразия.

Издrevле русская государственность проникла во все поры общества. Некоторые историки считают это причиной всех бед и бедствий России.

Существенное содержание нашего Отечества названо В. Далем ключимостью. Если «ключи» к западному христианству переданы Иисусом через св. ап. Петра, то ключи к русской религиозности принес св. ап. Андрей Первозванный. Именно его Пётр Великий считал первым крестителем Руси.

В изоморфности приоритетом для Л. Толстого была «внутренняя жизнь души», поскольку «истинная жизнь совершается в душах людей, а не во внешнем устройстве».

Что касается «внешнего» аспекта, Л.Н. Толстой видел, что Россия и Запад шли «по ложной дороге», «запутались, заблудились». Философский взгляд на это движение разочаровал Толстого, в нём он не нашёл «того, что искал».

В эссе «О Вехах» Л.Н. Толстой вопрошает: «Что я такое?». Ответ мог быть высказан одной фразой А.С. Пушкина: «Я числюсь по России...». Два колосса создают собственные варианты подобия с Россией: пушкинину и толстовщину.

Толстовская руссология в своём поиске абсолютной истины России, названной Вл. Соловьёвым «Русской идеей», поднимает главного искателя

на потрясающую высоту. Это произошло потому, что Лев Толстой был скроен не только по мерке Вечности, но и по меркам трёх веков – XIX, XX и XXI...

Под громадной тяжестью вечности и времени не согнулись могучие плечи изоморфа. На плечах титана держится многовековая история священности нашего Отечества. Льву Толстому удалось закрепить сокровенные смыслы Народа, Нации, Родины и Человека. Русские классики убеждают россиян в необходимости доверять сокровенной сфере бытия.

Две тенденции священного

Рассматривать в философском духе «Путь жизни» Л.Н. Толстой начал словами: «1) Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать» [21, с. 13]. Гению не было ведомо, что было написано многословно, в древнейшей индоевропейской цивилизации понималось как одно понятие – «священное». Открытие его двух аспектов принадлежит французскому лингвисту Эмилю Бенвенисту.

Постигнув священную сторону жизни, Лев Толстой узнал, что такое её понимание, что «такое он сам и тот мир, среди которого он живёт».

На почве познания России в толстовском уме произрастала руссология как учение об интегральном значении тела, души и духа его самого и его Родины.

По словам Л.Н. Толстого, его биография есть воспоминания человека, который «убивал на дуэли, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал». Искренне признаваясь в этом, он всегда стремился к благу и, оценивая минувшее и неблагоприятное, честно раскаивался во всём содеянном. Толстой беспощадно «казнил себя», чтобы, находясь на эшафоте, вновь и вновь каяться.

Мысли Л.Н. Толстого о Боге и божественном как совокупность входят в толстовиану. Она есть биографическая философия Л.Н. Толстого, написанная им для пользы людей. Она дополняется смыслами толстовских художественных и публицистических произведений. Толстовиана неотделима от религиозно-философских размышлений писателя, составивших научную религиозность.

Толстовский ответ на вызов ИЭК

Толстовиана рассматривается мною как вселенская духовная сила человека, который есть проявление Бога «в веществе, времени и пространстве» (Л. Толстой). Силы его внутренней жизни пропитываются органическим соучастием в жизни внешнего мира.

Исполняя завет Иисуса Христа творить всё новое, Лев Толстой оригинальным «самомышлением» (Аристотель) доказал существование Бога. Позволю себе именовать Его Информационно-Энергетическим Космосом (ИЭК).

ИЭК, то есть Бог, занимал ум умирающего Л.Н. Толстого, который продиктовал дочери Александре выстраданное суждение: «Бог есть то неограниченное. Всё, чего человек сознаёт себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог».

Говоря о существовании Бога, руссология Л.Н. Толстого культивирует дух уважения к человеку, личности, народу.

С.Л. Франк, разделяя этот тезис, писал: «Великое учение Толстого, что идеал достигается не насилием, проповедью и примером» [23]. Он поддерживал толстовское утверждение о том, что «победа добра над злом не может совершаться средствами зла» [23].

Что самое главное и самое трудное?

Ответ на этот вопрос содержит толстовский тезис о законе «любви». Он «не слова, а дело...» Нельзя правильно жить, не исполняя закон любви к Богу.

Продолжая эту мысль, Лев Толстой подчеркнул, что это дело «самое близкое, всем понятное и нужное». Русский отчизник призывает по сей день: «Любите друг друга». Он предлагает нам задуматься над его тезисом: «Любить в себе можно только Того, кто один во всех. Любить же Того, Кто один во всех, значит любить Бога».

Мною процитирован толстовский сборник высказываний [20] под рубрикой «О любви». Писателю удалось исследовать феномен любви не только в свете библейских истин, но и жизненного опыта.

Умирая, Лев Толстой решился сказать: «Бог не есть любовь. Любовь есть только одно из проявлений Бога в человеке». Поэтому проникновение явлений жизни любовью есть, по Толстому, *цель жизни*. Злая жизнь может медленно, постепенно претворяться в добрую.

Только добрая и любовная жизнь, считал Лев Толстой, есть истинная жизнь. О ней высказано им много превосходных суждений.

Для того чтобы быть счастливым, надо одно – любить... Очисти свою душу от всего засоряющего, и останется одна любовь... Любовь обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное... Если личность страдает, любовь избавляет от страданий...

Величайшее чувство любви, пережитое и описанное Л.Н. Толстым, обстоятельно рассмотрено И.Б. Мардовым в большой монографии «Лев Толстой. Драма и величие любви: опыт метафизической биографии» [6]. Она продолжает его исследования личности и религиозного творчества Л.Н. Толстого. Мне хочется поддержать его уникальную попытку взгля-

нута на жизненный путь гения с метафизической точки зрения. Автор умело рассматривает толстовские умозрения о сущности любви. Для самого Толстого любовно-сущностное воплотилось в превосходном лице Марии Александры Шмидт. И.Б. Мардов усмотрел в ней центральную фигуру метафизической биографии Л.Н. Толстого.

Мысленно не расставаясь с толстовской мудростью любви, я думаю, что понятие любви, дарованное нам божественностью, является тем искомым мотивом, благодаря которому мы должны бороться за справедливость против господствующей несправедливости. Она поддерживается вопросом: зачем надо сегодня при капитализме проявлять евангельское милосердие? Ведь мы живём по принципу рациональной этики и в условиях морально-этического кризиса. И я будто слышу громкое заявление Льва Толстого, говорящего об ошибке протестантской этики. Именно на ней как раз культивируется мировоззрение коллективного Запада.

Протестантизм заявляет: от человека ожидалось, чтобы он копил богатство, но в то же время и тратил его на других, помогал ближним. Однако банкиры пустились в разгул алчности, стремясь приобрести больше богатства. Толстовская нравственная позиция делает в главном несостоятельность протестантской этики. В своём обращении к кружку молодёжи Лев Толстой настойчиво призывает: «Любите друг друга». Учение о любви станет тогда делом, а не словом.

Если у священников любовь к людям вторична по отношению к любви к Богу, то у Льва Толстого она первична: любишь людей, значит, любишь и Бога.

Девиз: не насиловать

Льву Толстому пришлось участвовать в войнах на Кавказе и в Крыму. Военная среда ставит его рядом с солдатом. Переживания ткнут ткань о героях крымской кампании. История этой войны с интервентами не включает повествователя о ней в число 227 000 человек, составивших потери русской армии.

От сражений в Крыму или Восточной войны 1853–1856 – радикально отличаются Кавказские войны, в которых принимал участие Л.Н. Толстой. Русские войска в XVIII в. защищали народы, просившие помощи. Но Чечню пришлось усмирять. Шамиль был взят в плен. В начале 80-х гг. XIX в. все горские народы признали власть России.

Меня особенно привлекают толстовские «Казаки». Читая эту повесть, я думал о своём деде, терском казаке Степане Ляшенко. Он не был «беглецом», подобным Лукашке.

Мне довелось быть в горах, из которых бежит Хаджи Мурат от тирании Шамиля. После демобилизации из Красной Армии, работая на Северном Кавказе, я дружил с единоверцами Шамиля и Хаджи Мурата.

И в военных операциях в Чечне, и в войне с интервентами в Крыму действовала та «тёмная таинственная сила», которая в 1812 г. ужасала Пьера Безухова. По Толстому, эта сила «заставляет людей *против своей воли* умерщвлять себе подобных». По отношению к ним бесполезны всякие просьбы и увещевания.

В толстовской лексике была бы возмутительна братоубийственная война на Украине, где безличная сила «коллективного Запада», говорящая ложными устами, велит убить русского, кого она подло называет «агрессором», «преступником». «Убийство себе подобных» приобрело огромный масштаб. Лев Толстой, будто присутствуя в воюющей Украине, говорит о том, что безличная сила волей своих неразумных правителей творит всякие злодеяния.

К ним, разумеется, никак не относится постулат о ненасилии со стороны державы (государства).

Лев Толстой на самом деле воевал со злом. Шамиль почему-то вновь возникает в образе генерала Дудаева. Царское насилие над народами Северного Кавказа повторили большевики НКВД. Бессмертная толстовиана поднимает истину о межэтнических отношениях до абсолютного существования. И она вслед за Шекспиром произносит голосом Толстого: «Нет в мире виноватых».

Злободневность закона не делать плохого

Лет 70 она нравилась мне, поскольку я был вполне «советским человеком». И, естественно, труд, делание, активность были для меня долгом священным. Прозрение было продолжительным. В моей книге «Мир таинственный... Размышление о крестьянстве» [13] был рассмотрен впервые «Крестьянский дух», олицетворённый Львом Толстым и Сергеем Есениным.

Раз существует только Бог, считал Толстой, то не следует делать того, что запрещено Декалогом. Надо не меньше проявлять Бога, а больше.

Лев Толстой убеждённо выступал против опыта, когда «люди портят свою жизнь» потому, «что делают то, чего не должно делать». Добрая жизнь предполагает отказ от недолжного в пользу воздержания, которое «нужнее всего». Но силу воздержания ослабляет «невоздержание в одном поступке».

Примерно два десятилетия назад, прочитав превосходную книгу С. Франка «Непрочитанное», я серьёзно задумался о существовании творчества. По Франку, акт творчества совсем не совпадает с актом умышленной планомерной активности, он не есть деятельность [23]. Вслед за великим философом я стал рассматривать акты творчества, их существо «скорее подобно органическому росту и развитию». И стал мечтать о своей «пещере», в которой разрабатываю «созвездие классиков».

И наконец-таки через полвека проявилась правота Л.Н. Толстого в том, что он рекомендует творческое «неделание», понимаемое в виде весьма

благоприятного начала творческого процесса. «Неделание» нужно таинственному рождению из глубин бытия творческих замыслов.

Перед моими глазами появляется цветок из «Хаджи Мурата», паровоз из романа «Анна Каренина», тюремная яма из «Кавказского пленника». Всё это примеры художественной, философской и научной интуиции. Это что? Импульсы духа и Бога?

Из состояния «неделания» родилась у Толстого мысль о религиозно-нравственном совершенствовании. Она указала путь: искать и находить связь между «внутренним» и «внешним миром». В романах Л.Н. Толстого превосходно изображена связь между миром души и духа, с одной стороны, и эмпирической реальностью, с другой. Критикуя духовную тенденцию «Вех», Лев Толстой намеревался пересмотреть духовно-душевные основы господствующего мирозерцания. Пересмотр предполагался в духе «революционизма» Христа, противоположного застою Победоносцева и Иоанна Кронштадтского [4].

Лозунг толстовства «по-мужицки, по-дурацки, по-крестьянски, по-христиански» владел в общем смысле русской общественной мыслью. Парадигма толстовианы решительно противостоит этому лозунгу и призывает к культуре, к обновлению крестьянско-христианского мирозерцания. Оно было возможно через выучку настоящей культурностью. Кстати говоря, С.Л. Франк, находясь в эмиграции, печатал в немецких журналах статьи о культуре Л.Н. Толстого.

Война за душу ужесточается

Лев Толстой, как и большинство людей, непрестанно слышал в душе Бога. Душа – это триединство ума, чувств и воли. Нелишне вновь перечитать эссе в толстовской «душе» в «Пути жизни».

В середине 50-х гг. XIX в. у Льва Толстого возникло предположение о двух душах человека. Позже оно стало одним из начал толстовского учения. Двоедушие составляет внутренний мир человека. Высшая душа была названа «внутренней душой». Она обозначалась также синонимами: «духовное Я», «духовное существо», «Бог своей», «ближайшее духовное солнце», «центр своего духовного тяготения».

Духовное существо стремится к любви, чтобы отдать себя другому и служить ему своей жизнью. Лев Толстой считал: «Истинное благо человека – только благо духовное».

Низшая душа, по Толстому, названа им «плотью», «животной личностью» и просто «личностью». Она есть то же духовное существо, которое включает оболочку плоти. Благодаря этому она способна общаться с Миром.

С толстовским представлением «двух душ» мы встречаемся в романе «Воскресение». Его персонаж Неклюдов – убеждает в этом. В нём, «...как и во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе

только такого, которое было бы благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира» [15, с. 49]. Я вдумываюсь в эти слова из XIV главы первой части романа.

Лев Толстой включил во «благо только» благо всего народа, сообщества и государства. В них вмещена животная личность человека. Она желает нежиться во лжи жизни и мешают пробудиться духовному существу человека.

Голос животного человека жил в Неклюдове; он живёт в душах и современных людей. И этот живой голос говорит в наши дни: «Все такие».

Читая «Воскресение» семь десятилетий назад, я мог сопоставить Неклюдова, в котором пробудилось духовное существо, со многими советскими людьми, с которыми встречался от Бреста до Хабаровска, от Архангельска до Батуми. Академик Г.Л. Смирнов посвятил им монографию «Советский человек», профессор П.С. Гуревич своей жизнью подтвердил мысль Л.Н. Толстого о том, что в душе достойных людей звучала духовность истинно, могущественно, вечно. Но недостойная личность антисемита приговорила любимого Павла к преждевременной смерти. Кто мог знать, что в третьем тысячелетии продолжится всемирная война за человеческие души.

Соединить людей, считал Лев Толстой, способно только сознание божественности души. И чем яснее люди сознают единство божественного начала, живущего в них, тем лучше становится жизнь.

Искусство быть искренним

Сочинитель определения Синода от 20–22 февраля 1901 г. не знал, видимо, указания Александра Невского о том, что Бог не в силе, а в правде. Члены Священного Синода приняли неправду [9].

Перечитывая этот пресловутый документ заблуждения, надо почти каждую обвинительную фразу дополнить отрицательной частицей «не». «...Новый лжеучитель граф Лев Толстой...» не «дерзко восстал на Господа и на Христа». Он не распространял «в народе учений, противных Христу и Церкви...» Цитировать дальше явные заблуждения Святейшего Синода не стоит.

Лев Толстой не только не истреблял «в умах и сердцах людей веры отеческой», напротив, он укреплял веру православную, смело обновлял её.

Толстовская новая религия имеет характер «правдивости», исключаящей суеверия. С исключительной смелостью и искренностью Лев Толстой осовременивает Евангелия. Революционная религиозность Л.Н. Толстого востребована текущим десятилетием, которое превращается в мировую войну. Агрессии лжи противостоит правда в формуле Александра Невского. Руссология Л.Н. Толстого, проигнорированная власть имущими в XX в.,

предстаёт своего рода манифестом «Русской правды» и «Российской идеи» в ХХI в.

Потрясающий взлёт сакральной религии Льва Толстого история сравнивает со статикой ещё живущих суеверий. И тут возникает предложение, обращённое к Священному Синоду РПЦ, отменить антитолстовский вердикт. Этого требует божественная Правда русских святых.

Русским книжникам и фарисеям противостояло великое искусство Льва Толстого – быть всегда искренним [5].

К какому шествию следует примкнуть?

Два шествия людей происходят в наше время. Одно – к Льву Толстому, другое – к Иоанну Кронштадтскому. Первый вполне благосклонно относился ко второму, но знаменитый священник считал гениального писателя своим врагом. Более того, Иоанн Кронштадтский, уставая от подогреваемой им вражды и борьбы, предлагал убить Л.Н. Толстого.

Война, которая была подобна теперешней войне Запада против России, велась с одной стороны. Ни тогда, ни теперь – и это странно.

Иоанна Кронштадтского оправдывает то, что он не мог принять революционной («навой») религии графа. Отсюда его неистовое обличение Толстого и пророчества в связи с ним бед и катастрофы.

Действительно, российская катастрофа, предсказанная М.Ю. Лермонтовым как «чёрный год», произошла. Ушли из жизни отец Иоанн и Лев Толстой – великие старцы. И вот уже более столетия к их могилам являются люди, нашедшие пункты культового поклонения. Душевно-духовный магнетизм двух особ представляется мне каким-то отражением друг в друге. В нём словно присутствуют две тенденции развития христианства. Одна сдерживается застоём и регрессом, другая движима энергетической мощью новизны. К двум местам священного поклонения – в Ясной Поляне и Кронштадте – не иссякают потоки паломников. Я был у могилы Льва Толстого, став на колени. Но огромная неприязнь к другому старцу удержала меня от входа в храм с гробницей Иоанна Кронштадтского.

Если читатель, задумавшись о выборе пришествия, испытает затруднение, то помочь ему сможет книга известного писателя Павла Басинского «Святой против Льва...» [1]. Я же продолжаю сомневаться в святости человека, который сделав женщину женой, оставил её девственницей, а также призывающего убить Толстого.

Принять толстовскую мораль

В нравственной норме видят моральную норму поведения. У Льва Толстого мы находим превосходные разработки «Правил поведения». Определённый

образ действия им одобрялся и признавался хорошим. Надо «не делать другому того, чего ты не желаешь себе самому».

Есть только одна наука о том, как жить человеку. И эта наука создавалась Л.Н. Толстым. Она учитывает правила общежития и то, о чём писатель говорил: «Так и ходишь между сумасшедшими». Хорош очерк об этом, написанный Дарьей Еремеевой [3].

Поступок как таковой привлекал внимание Толстого. Он логично, смело и последовательно давал ему гениальную оценку. Она исходила из того факта, что объектом оценки служит сам поступок как таковой.

Вслед за Семёном Франком я решаюсь утверждать: «моральное учение» Толстого неопровержимо. Речь в нём идёт о простом и логически безупречном принципе: не делай никогда, ни для какой цели и ни по какому мотиву поступка, который мораль признаёт недопустимым.

В поразительной толстовиане мы находим до бесконечности суровую оценку людей и отношений. И нам остаётся лишь сожалеть, что мы этого не делали в XX в. И не делаем по сей день. Надо наконец-таки отличать человека от его поступков – хороших или дурных.

Лев Толстой завоевал право судить сегодня моральное настроение Запада, впавшего в состояние очень глубокого кризиса. И русский гений помогает всем людям выйти из переживаемого ими нравственного кризиса. Толстовская мораль – это не только ненасилие, а прежде всего соединение существ, жизнь которых есть проявление в них Бога. И чем больше в человеке любви к Нему, тем «больше он истинно существует».

Об этом превосходно говорится в толстовском шедевре «Путь жизни». Закон любви противостоит закону насилия [18].

Не оказаться вновь под поездом

Две империи – императорская и советская – «умудрились» разрушить свою государственность, бросить её, так сказать, под поезд. Изоморф царизма Л.Н. Толстой не мог не ощутить в грядущей катастрофе «матушки Руси».

Афоризм «*Мне отмщение, и Аз воздам*» предлагает разгадать роман «Анна Каренина». Автор своим вопрошанием поставил на повестку дня проблему о том, каким образом российскость продвигается вперёд.

Ответ даёт диалектическая философия, которая, по определению Л.Н. Толстого, «есть орган самосознания человеческого духа, и орган не индивидуальный, а сверхиндивидуальный и соборный» («О Вехах»).

Философский взгляд на трагизм «Анны Карениной» позволяет задуматься о двух существах – духовной и животной личности. Второе есть то же духовное существо, включающее оболочку плоти, с помощью которой оно способно сообщаться с Миром (т.е. с ИЭК).

Понять замысел автора романа предлагают его страницы, посвящённые духовной жизни персон и смысловому узлу и вершине трагичности

(глава XVII четвёртой части). Автор рассказывает нам не историю брачной измены и развода, а общечеловеческую гибель духовного существа в душе человека. Голосом героини писатель поведал о двух «Я» в ликах личности и человека. «...Во мне есть другая, – говорит Анна. – Я её боюсь». Анна Каренина становится настоящей и всей.

Лев Толстой остаётся зеркалом русской судьбы, повествуя об отечественной смерти под поездом.

Вспоминаю фильм по сценарию Тома Стоппарда «Анна Каренина». Видел в театре и его пьесу. Удивлялся натуральности восприятия, хотя заснеженный паровоз, под который бросается героиня, был сценическим.

Реально погибли Анна Каренина и Николай Романов. За их фигурами простиралась трагическая Россия. Смерти были страшными и в 1917–1918 гг., и спустя семь десятилетий. Государственная реальность Советского Союза вновь оказалась «под поездом» беспощадного исторического Вызова.

Прямо на нас, россиян, ныне пущен поезд «Коллективный Запад». Россия не хочет оказаться под его колесами, но ситуация очень опасная. Лев Николаевич всей логикой повествования предупреждает нас: «Мне отмение, и Аз воздам».

Не пресловутое бегство, а подвиг покаяния

Думаю о необходимости покаяния. Первоначально библейское слово *Teshtauban* (возвращение) указывало на катаклизмы в стране и выходы из них. Причиной бедствий считалось отклонение от божьих заповедей. Новый завет понимает покаяние не только как раскаяние – признание личной вины, но и как возрождение. Человек изменяет своё существо и свой образ действий.

Думая о Толстом, признаёшь, что его земная жизнь заканчивалась, но не смертью, а воскрешением и бессмертием. Доверяя библейскому разуму, можно напомнить истину Иисуса Христа. В молитве к Богу он сказал: «Твоё слово есть истина» (Ин. 17:17).

Во времена Л.Н. Толстого и в наши дни это Слово известно как Евангелие. Резонно предположить, что «очень любимая истина» Толстого неотделима от Библии.

Что происходило перед смертью Льва Толстого? Большинство религий, отвечая на этот вопрос, утверждает, что какая-то часть человека продолжает жить после смерти. Речь идёт о душе.

Не могу не сказать о том, что мой пятикратный опыт предсмертного состояния убедил меня в существовании души в виде светящейся стрелы.

Вопросы души Лев Толстой относил к вопросам религиозным (Дневник 5 августа 1895 г.). Он считал, что в нас «божеская сила» (Дневник 7 сентября 1895 г.). Эти мысли приведены в книге «Моя биография».

Лев Толстой своим, так сказать, уходом из Ясной Поляны совершал не просто «бегство», как принято думать [1]. Речь должна идти о великом подвиге покаяния, понимаемого как переход на другой путь жизни.

В толстовской монографии «Путь жизни» высказаны сокровенные суждения о смерти. Конца света жизни человек не может представить, если он полагает её не в духе.

Всю многомиллионную Россию всколыхнуло в 1910 г. ноябрьское событие – внезапный уход из Ясной Поляны Льва Толстого и смерть его. В событии П.Б. Струве разглядел сразу «величайшее религиозное значение».

Почему люди наказываются самими грехами?

Лев Толстой, творя свой жизненный опыт, убедился в том, что «люди наказываются не за грехи». Об этом он напряжённо размышлял, работая в 90-е гг. над романом «Воскресение». Почти десятилетие с перерывами ушло на это потрясающее произведение.

Потрясение же случилось потому, что в основе «Воскресения» – значимый факт. О нём автор узнал из уст знаменитого юриста и общественного деятеля А.Ф. Кони. Шло заседание суда. Один из присяжных узнал девушку, которая обвинялась в краже. Некогда он соблазнил её: один грех породил другой – соблазненная стала проституткой. Увиденное и услышанное на суде настолько потрясло соблазнителя, что он решил жениться. Об этом ему пришлось хлопотать, но она умерла в тюрьме.

Эта трагическая история глубоко взволновала романиста, и он стал писать повесть. Льва Толстого она не могла не волновать сильно, поскольку нечто подобное случилось с ним самим: он соблазнил девушку, но она не попала в сети проституции.

Льву Толстому не удалось избежать самоказни за совершённый поступок. И он вывел самого себя в образе князя Неклюдова. Толстой-писатель и Толстой-моралист вступили в единоборство. Перед взором читателя – портрет бунтующего человека. Бунтует искренность.

Оценивая грехи, Лев Толстой считал, что «мы не любим людей не потому, что они злы, но мы считаем их злыми потому, что не любим их».

В книге «Путь жизни» автор сочетает грехи с соблазнами и суевериями. Грех, по Толстому, это потворство телесным похотям. И он конкретно поясняет, «что такое грехи». Наказание грехами следует за пристрастием к суевериям и соблазнам.

Как было понято «безумие жизни»

Закавыченное толстовское двухсловие подсказало случайный выбор афоризмов из области познания мира. В минуту нерешительности действуй быстро и старайся сделать первый шаг, хотя бы и лишний.

Совесть – это память общества, усвоенная отдельным лицом.

По примеру греческих философов Лев Толстой то превышал веру в своего Бога, то нередко и отвергал.

Если бы Л.Н. Толстой был сегодня в полном здравии, то он сказал бы точно то, что записал в Дневнике 18 декабря 1909 г.: «Всё больше и больше становится непонятным безумие жизни и явно бессилие высказать своё понимание его» [17, с. 357]. Ему, русскому отчизнику, было дано предчувствие мировых катастроф.

В толстовском Дневнике (2 сентября 1909 г.) отмечено «сомнение во всём, главное, в Боге, в верности понимания смысла жизни» [17, с. 335].

Борясь с неверием себе, Л. Толстой затруднялся, он не мог «вызвать того сознания, которым жил и живу» [17, с. 335]. В самой жизни он признавал «безумие», которое было непонятным. Он осознаёт своё бессилие высказать своё понимание «безумия жизни». Во сне приходило даже «отрицание бога» (Дневник, 24 декабря 1909 г.) [17, с. 359]. Максиму Горькому было позволено прочесть дневниковую запись, и он обратил внимание на «странный» афоризм: «Бог есть моё желание». Лев Толстой пояснил, что это «Незаконченная мысль...». Он хотел сказать: «Бог есть моё желание познать его...». Оценка Бога Толстым напомнила М. Горькому «отношение «двух медведей в одной берлоге».

По мнению Толстого, высшую ценность духовного роста представляет тезис: «Бог есть Бог живых, а не мёртвых», есть носитель «живых людей». Цитируя этот тезис, я задумываюсь о его истинности, зная, что Толстой видел в смерти смысл жизни. Ему хотелось слиться с всеобъемлющим существом, поскольку соединение со всем существующим есть любовь. «Эта любовь и есть Бог» [12].

Поиск Толстым понимания Бога был продолжен им в *Трактовке буддизма* [11]. В этой религии Лев Толстой видит особое понимание жизни и определённое состояние сознания. Его верховная реальность называется *дхармой*. Она находится именно в сознании, а не в рамках жизни.

Буддист придерживается дуализма, связывающего такое «внеземное», как *дхарма* и *нирвана*, с реальным состоянием сознания. Как же выходит второе в первое. Лев Толстой решает важную проблему «доступности понимания» индивидуумом «изменения форм существования». Изменение доходит к смерти, до переживания страха конкретной смерти. Он есть эмоция, тогда как явление смерти может быть осознано.

Буддийские философы говорят о трояком: смерть – одно состояние сознания, страх – второе, понятность – третье. В диалоге с ними Л. Толстой утверждает: жизнь и смерть понимаемы. Но у него отношение

между человеком и бесконечностью остаётся вне проблемы доступного пониманию.

Перед человечеством, по Толстому, Бог предстаёт в качестве безграничной Вселенной. Умиравший сверхчеловек признаёт: «Истинно существует только Бог». Поэтому думать правильно нельзя без учёта Абсолюта.

И я решаюсь со своей стороны утверждать, что толстовиана есть формула Третьего завета, преемственно продолжающего Ветхий и Новый Заветы.

Спасение России Лев Толстой рассмотрел в союзе с Востоком – Китаем и Индией. Свой и российский «Путь жизни» он украсил восточными афоризмами. Необычные факты толстовской биографии, связанные с индийскими гениями, рассмотрел писатель Валентин Осипов [7].

Заключая сказанное, должен признать, что доволен сделанным шагом вперёд от предыдущей работы о Л.Н. Толстом [14]. В новой работе предстоит исследовать проявление человека в Боге. Оно проходит «в веществе, времени и пространстве» (из толстовской предсмертной диктовки). Она заимствована у Павла Басинского [1].

Становится понятнее, что в отечественной истории код может ещё проявиться, но не в силе, а в искренности правды. Это доказывает, во-первых, толстоовец князь Георгий Львов – первый премьер Временного правительства [10]. Убедительное доказательство, во-вторых, у Бориса Пастернака [8].

Однако два государя – Николай II и М.С. Горбачёв – не воспользовались спасительной искренностью в общении с народом.

Список литературы

1. Басинский П.В. Лев Толстой: Бегство из рая. М.: Редакция Елены Шубиной, 2022. 637 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 452 с.
3. Еремеева Д. Граф Лев Толстой: как шутил, кого любил, чем восхищался и что осуждал яснополянский гений. М.: Бослен, 2017. 190 с.
4. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 1070 с.
5. Л.Н. Толстой: pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 981 с.
6. Мардов И.Б. Лев Толстой. Драма и величие любви: опыт метафизической биографии. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 630 с.
7. Осипов В.О. Лев Толстой: во сне и наяву: книга поиска необычных фактов биографии. М.: Голос-Пресс, 2019. 166 с.
8. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Эксмо, 2020. 622 с.
9. Петров Г.И. Отлучение Льва Толстого от церкви. М.: Знание, 1978. 112 с.

10. Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича. М.: Русский путь, 2001. 455 с.
11. Пятигорский А.М. Толстовская критика буддизма // Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 251–255.
12. Русское слово. 1909. № 114. 16 с.
13. Симуш П.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. 254 с.
14. Симуш П.И. Навигатор ноосферы Л.Н. Толстой. М.: Изд-во РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2010. 228 с.
15. Толстой Л.Н. Воскресение. М.: Наука, 1964. 580 с.
16. Толстой Л.Н. Дневник 1890 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 51. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 7–117.
17. Толстой Л.Н. Дневник 1909 г. // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 22. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1985. С. 287–360.
18. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 37. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 149–221.
19. Толстой Л.Н. Мысли о Боге. М.: Посредник, 1909. 58 с.
20. Толстой Л.Н. О жизни // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 17. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1984. С. 7–135.
21. Толстой Л.Н. Путь жизни // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 45. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 13–496.
22. Толстой Л.Н. Религия и нравственность // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 39. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 3–26.
23. Франк С.Л. Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания / Сост. и предисл. А.А. Гапоненкова и Ю.П. Сенокосова. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 590 с.

AXIOLOGY

Petr Simush

DSc in Philosophy, Professor,
Senior research fellow. RAS Institute of Philosophy.
12/1 Gonchamaya Str., Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: simush@inbox.ru

RUSSIAN STUDIES OF LEO TOLSTOY: WHAT DOES HE ACHIEVE WITH HIS SINCERITY?

The novelty of the idea of the article is an attempt to include Tolstoyana in the ongoing religious war in the world, the global struggle of truth against deception. The battle of the West with the East clarifies what “truly exists” and “how man manifests God”. The author reflects on the laws of life and coexistence of people.

Keywords: L.N. Tolstoy, Tolstoyan Russian studies, domestic usefulness, God, love, Russian isomorphism, amazing sincerity, duality of sacredness, spiritual good, madness of life

References

1. Basinsky, P.V. *Lev Tolstoi: Begstvo iz raya* [Leo Tolstoy: Escape from Paradise]. Moscow: Editorial Board of Elena Shubina Publ., 2022. 637 pp. (In Russian)
2. Benveniste, E. *Slovar' indoevropeskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms], trans. Yu.S. Stepanova. Moscow: Progress-Univers Publ., 1995. 452 pp. (In Russian)
3. Eremeeva, D. *Graf Lev Tolstoi: kak shutil, kogo lyubil, chem voskhishchalsya i chto osuzhdal yasnopolyanskii genii* [Count Leo Tolstoy: How He Joked, Whom He Loved, What He Admired and What the Yasnaya Polyana Genius Condemned]. Moscow: Boslen Publ., 2017. 190 pp. (In Russian)
4. Frank, S.L. *Neprochitannoe... stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread... Articles, Letters, Memoirs], eds. A.A. Gaponenkova, Yu.P. Senokosova. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ., 2001. 590 pp. (In Russian)
5. Ioann Kronshtadtsky. *Moya zhizn' vo Khriste* [My Life in Christ]. Moscow: Sretensky Monastery Publ., 2008. 1070 pp. (In Russian)
6. L.N. Tolstoi: *pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya* [L.N. Tolstoy: pro et contra: The Personality and Creativity of Leo Tolstoy in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2000. 981 pp. (In Russian)

7. Mardov, I.B. *Lev Tolstoi. Drama i velichie lyubvi: opyt metafizicheskoi biografii* [Leo Tolstoy. Drama and the Greatness of Love: the Experience of Metaphysical Biography]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2005. 630 pp. (In Russian)
8. Osipov, V.O. *Lev Tolstoi: vo sne i nayavu: kniga poiska neobychnykh faktov biografii* [Leo Tolstoy: in a Dream and in Reality: the Book of Searching for Unusual Facts of Biography]. Moscow: Golos-Press Publ., 2019. 166 pp. (In Russian)
9. Pasternak, B.L. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow: Ehksmo Publ., 2020. 622 pp. (In Russian)
10. Petrov, G.I. *Otluchenie L'va Tolstogo ot tserkvi* [Excommunication of Leo Tolstoy from the Church]. Moscow: Znanie Publ., 1978. 112 pp. (In Russian)
11. Polner, T.I. *Zhiznennyi put' knyazya Georgiya Evgen'evicha* [The Life Path of Prince George Evgenievich]. Moscow: Russkii put' Publ., 2001. 455 pp. (In Russian)
12. Pyatigorsky, A.M. "Tolstovskaya kritika buddizma" [Tolstoy's Criticism of Buddhism], in: A.M. Pyatigorsky, *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, pp. 251–255. (In Russian)
13. *Russkoe slovo*, 1909, No. 114, 16 pp. (In Russian)
14. Simush, P.I. *Mir tainstvennyi... Razmyshleniya o krest'yanstve* [The mysterious world... Reflections on the peasantry]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 254 pp. (In Russian)
15. Simush, P.I. *Navigator noosfery L.N. Tolstoi* [Navigator of the Noosphere L.N. Tolstoy]. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2010. 228 pp. (In Russian)
16. Tolstoy, L.N. "Dnevnik 1890 g." [Diary of 1890], in: L.N. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works], Vol. 51. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ., 1952, pp. 7–117. (In Russian)
17. Tolstoy, L.N. "Dnevnik 1909 g." [Diary of 1909], in: L.N. Tolstoy, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 22. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ., 1985, pp. 287–360. (In Russian)
18. Tolstoy, L.N. "O zhizni" [About Life], in: L.N. Tolstoy, *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 17. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ., 1984, pp. 7–135. (In Russian)
19. Tolstoy, L.N. "Put' zhizni" [The Way of Life], in: L.N. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works], Vol. 45. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ., 1956, pp. 13–496. (In Russian)
20. Tolstoy, L.N. "Religiya i нравственность" [Religion and Morality], in: L.N. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works], Vol. 39. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ., 1956, pp. 3–26. (In Russian)
21. Tolstoy, L.N. "Zakon nasiliya i zakon lyubvi" [The Law of Violence and the Law of Love], in: L.N. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works], Vol. 37. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ., 1956, pp. 149–221. (In Russian)
22. Tolstoy, L.N. *Mysli o Boge* [Thoughts about God]. Moscow: Posrednik Publ., 1909. 58 pp. (In Russian)
23. Tolstoy, L.N. *Voskresenie* [Resurrection]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 580 pp. (In Russian)